

УДК 394.86

С.В. Богданов, д-р ист. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (Курск) (e-mail: dr.bogdanov_sv@mail.ru)

САМОУБИЙСТВА В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.: ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МЕТОДОЛОГИИ ПРОБЛЕМЫ

В статье рассматриваются отдельные теоретические проблемы исследования самоубийств в Курской губернии в пореформенный период: актуальность проблематики, источниковая база и ее полнота.

Ключевые слова: самоубийство, смертность от насильственных и внезапных причин.

Проблемы высокой смертности населения России от внешних причин продолжают фокусировать на себе внимание специалистов различных отраслей научного знания [1, с. 148-157]. Однако, не смотря на вполне очевидные успехи российского обществознания за последние два десятилетия, отдельные аспекты исторической демографии продолжают быть слабо изученными. Одним из таких своеобразных «белых пятен» является выявление динамики, основных тенденций и особенностей одного из видов насильственной смертности среди населения Курской губернии в пореформенные десятилетия – самоубийств.

Справедливости ради необходимо напомнить, что отдельные проблемы насильственной смерти в Курской губернии получили свое отражение еще 1832 г. в одном из немногочисленных исследований, специально посвященных данной проблеме. Речь идет о докладе действительного члена Императорской Академии наук Ч.-Т. Германа «Изыскания о числах убийств и самоубийств в России в 1819-1820 гг., который был им озвучен в 1823 г. [11].

Однако тематика, затронутая в докладе, вызвала крайне негативную реакцию в правящих кругах. Поэтому вплоть до отмены крепостного права на пути научных исследований данных проблем «народной нравственности» стояли серьезные препятствия.

«Великие реформы» 1860-х гг. имели своим следствием ослабление цензурного давления на прессу. Как следствие стали появляться многочисленные журналы, газеты, в которых стали подниматься многие темы, еще совсем недавно фактически закрытые для обсуждения. Одной из таких тем стала проблема самоубийств. Так, например, один из публицистов этого периода К. Лизин на стра-

ницах либерального журнала «Дело» писал: «Теперь самоубийство сделалось какой-то эпидемической болезнью и, притом, болезнью хронической, которая вырывает тысячи жертв из среды населения решительно всех цивилизованных стран Европы. Так говорит статистика, это же может сказать всякий, кто следит за городской хроникой» [7, с. 285].

Не случайно в качестве хронологических рамок исследуемой проблемы выступают 1870–1893 гг. Нижняя граница определяется началом систематического сбора сведений о насильственных и внезапных смертях как в целом по стране, так и в рамках отдельных губерний. Верхняя – выходом из печати последнего статистического сборника МВД, специально посвященного смертности от насильственных и внезапных причин в Российской империи.

Кратко охарактеризуем источниковую базу исследования.

В 1882 г. в России впервые были опубликованы относительно полные сведения о насильственных и внезапных смертях по 49 губерниям Европейской части страны за 1870–1874 гг. [10].

Спустя 12 лет, в 1894 г. читающая общественность получила возможность ознакомиться с очередным Временником Центрального Статистического Комитета Министерства внутренних дел № 35 «Умершие насильственно и внезапно в Европейской России в 1875–1887 гг.» [2].

В отличие от своего предшественника, в данном издании содержались сведения о насильственных и внезапных смертях по 59 губерниям Европейской России вместе с Царством Польским. Увеличение произошло за счет включения сведений по десяти Привислянским губерниям.

В 1897 г. вышло из печати еще одно издание Центрального Статистического

Комитета МВД – Временник «Умершие насильственно и внезапно в Российской Империи в 1888–1893 гг.» [3].

В сравнении с двумя предшествующими статистическим сборниками, посвященными насильственным и внезапным смертям, это издание содержало сведения за 1885–1893 гг. по всем губерниям и областям Российской империи за исключением областей Войска Донского, Карской, Терской и Закаспийской, округов Закавказья и Черноморского.

Значительный статистический материал, посвященный самоубийствам в России, появлялся на страницах журнала «Архив судебной медицины и общественной гигиены» [4], других изданиях, диссертациях, преимущественно медицинской и юридической направленности [5].

Таким образом, благодаря официальным статистическим сборникам, а также различным научным исследованиям, опубликованным в большинстве своем во второй половине XIX – начале XX столетия, мы имеем возможность составить собственную картину развития ситуации со смертностью от самоубийств в одном из типичных аграрных регионов Центральной России – Курской губернии.

Остановимся на структуре смертности населения Курской губернии в 1884–1892 гг.

В абсолютных цифрах основные причины смерти населения Курской губернии в 1884 г. выглядели следующим образом: от естественных причин умерло 92 818 человек обоего пола, от ушибов, ран, замерзших и отравившихся – 1 720 человек. Насильственно погибших (от убийств и самоубийств) было зафиксировано 137 человек. При этом доля самоубийств в общем количестве насильственных смертей составила более половины – 56,9 %.

Так, структура смертности населения в этом году распределилась следующим образом: более 95 % умерло от естественных причин, около 2 % пришлось на внешние причины и около 3 % так и остались невыясненными [6, с. 55].

Доктор медицины, ответственный чиновник медицинского департамента Министерства внутренних дел России

Н.И. Розов приводит следующий перечень очевидных и ненасильственных причин внезапной смерти: поражение молнией, нечаянный ушиб, чрезмерное потребление крепких напитков, угар, утопление, самоубийство от известного уже помешательства ума [8, с. 81–83].

В самой структуре смертности населения губернии от внешних причин сложилась следующая ситуация. Наибольшее количество погибших от данного вида причин смерти было от ушибов, ран, падений и пр. – чуть более 81 %. Затем шли отравления – около 8 %, самоубийства – 4 %. Число убитых и замерзших оказалось одинаковым – по 3 %.

В то же время, вряд ли эти цифры полностью отражают реально существовавшую в действительности ситуацию со смертностью населения Курской губернии в разрезе причин убыли населения. Дело в том, что только в 1884 г. фактически у 3 % от общего количества умерших (а это 2 958 человек) причины смерти оказались невыясненными.

Безусловно, здесь могут возникать сомнения в полноте учета и правильной диагностике судебно-медицинских органов, прежде всего, фактов насильственной смерти, которая могла быть замаскирована под смерть от естественных причин. В то же время, по мнению полицейских статистов, цифры корректировки вряд ли существенно изменили бы общую картину причин смерти населения в губерниях Европейской части Российской империи [10, с. 13].

Эта проблема уже неоднократно поднималась в трудах специалистов, становилась предметом острой полемики на страницах периодических журналов. Уже в 1840–е гг. в отдельных популярных изданиях актуализировалась проблема неполноты учета и искажения данных статистики смертности от самоубийств. В 1847 г. на страницах авторитетного литературного журнала «Современник» появилась рецензия на книгу К.С. Веселовского «Опыты нравственной статистики». Так, рецензент акцентирует внимание на причинах сложившейся ситуации с выявлением действительных масштабов данного вида насильственной смерти.

«...Самоубийство почитается в обществе деянием позорным и даже преступным, поэтому, естественно, что родственники самоубийцы всегда стараются скрыть настоящий род смерти погибшего. Равным образом и по той же причине трудно привести в известность все неудачные покушения на самоубийство» [9, с. 252].

В целом, земская статистика отмечала, что распределение причин смертности населения губернии в сравнении с предыдущим годом практически изменилось незначительно [6, с. 56]. В то же время, необходимо акцентировать внимание на двух тревожных тенденциях. Первая, количество убийств продолжало, хотя и незначительно, но неклонно увеличиваться. Во-вторых, увеличилось количество умерших, причина смерти которых оставалась невыясненной.

Абсолютные показатели свидетельствуют о том, что на территории Курской губернии на протяжении практически двух с половиной десятилетий пореформенного развития постепенно увеличивалось количество погибших как от насильственных и внезапных причин смерти, так и в результате суицида. За период с 1870 по 1893 гг. в Курской губернии 1 430 человек свели счеты с жизнью. Таким образом, в среднем в год от данного вида насильственной смерти погибали около 60 человек. Сравнение по данному показателю с другими губерниями Европейской части Российской империи позволяет отнести данную губернию к разряду территорий со средним уровнем самоубийств.

Список литературы

1. Богданов С.В. Суицидальное поведение городских и сельских жителей России в условиях общественных трансформаций конца XX – начала XXI в. // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология. 2011. № 3.
2. Временник Центрального Статистического Комитета Министерства внутренних дел № 35 Умершие насильственно и внезапно в Европейской России в 1875–1887 гг. / ЦСК МВД. СПб., 1894.
3. Временник Центрального Статистического Комитета Министерства внутренних дел № 41 Умершие насильственно и внезапно в Европейской России в 1888–1893 гг. / ЦСК МВД. СПб., 1897.
4. Гюбнер Ю. Статистическое исследование о самоубийстве в Петербурге с 1858-1867 // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1858. Кн. III; Покрышкин П. Судебно-медицинская деятельность в Вятской губернии с 1-го января 1862 г. по 1-е января 1865 г. // Там же. 1868. Кн. 3 (сентябрь); Его же. Судебно-медицинская деятельность в Иркутской губернии за 1864-67 гг. // Там же. 1869. Кн. 3 (сентябрь).
5. Заметка о числе самоубийств в Вятской губернии Вятские Губернские Ведомости. 1864. № 18; Загорский П. Смертность в С.П.Б. за 1878 г. // Сборник сочинений по судебной медицине за 1880 г. Т. II-й; Тереховко Ф.К. К вопросу о самоубийстве в Петербурге за 20 летний период (1881–1900): дис. докт. медицины. Гатчина Тип.: Х. Неймана, 1903; Лихачев А.В. Самоубийство в Западной Европе и Европейской России. Сравнительное статистическое исследование. С-Пб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1882.
6. Календарь и памятная книжка Курской губернии на 1891 год. Курск: Типография губернского правления, 1890.
7. Лизин К. Самоубийство и цивилизация // Дело. 1882. № 7.
8. Розов Н.И. О наружном осмотре мертвых тел, производимых врачом по требованию полиции // Архив Судебной Медицины и общественной гигиены. 1869. № 1.
9. Современник. Литературный журнал. С-Пб.: Тип. Эдуарда Праца, 1847. Т. III. (1).
10. Статистический временник Российской Империи. Серия II. Выпуск 19 / ЦСК МВД. С-Пб., 1882.
11. Recherchessurle nombre des suicides etdes homicides commis en Russie pendant les annees 1819 et 1820 par Ch.-Th. Herrmann // Memoires de l'Academic imperiale des sciences de St. Petersburg. St. Petersburg, 1832. VI serie. Tome 1.

Получено 11.06.12

S.V. Bogdanov, Doctor of Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk)
(e-mail: dr.bogdanov_sv@mail.ru)

SUICIDE IN KURSK PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY: SOME ASPECTS OF METHODOLOGY PROBLEMS

The article considers some theoretical problems of the study of suicides in Kursk province in the period of reforms: the relevance of mainstreaming, source base and its completeness.

Key words: suicide and deaths from violent and sudden reasons.

УДК 343.2

Е.О. Ефимова, преподаватель, Юго-Западный государственный университет (Курск)
(e-mail: pragmatik-alenka@mail.ru)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛИЧНОСТИ И СИТУАЦИИ В МЕХАНИЗМЕ СОВЕРШЕНИЯ НЕОСТОРОЖНОГО АВТОДОРОЖНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Представленная научно-исследовательская работа отражает в себе анализ основных причин и условий механизма совершения неосторожных дорожно-транспортных преступлений. В ходе исследования автор приводит конкретные признаки провоцирующих ситуаций, раскрывает их содержание и роль. Также автор рассматривает различные типичные случаи взаимодействия личности и ситуации при автодорожном преступлении. В ходе анализа была обозначена необходимость в исследовании психофизиологических черт личности неосторожного преступника, по причине его решающей роли в исходе дорожно-транспортного преступления.

Ключевые слова: неосторожность, транспорт, личность преступника, провоцирующие ситуации, механизм совершения неосторожного преступления.

При исследовании взаимодействия личности и ситуации неосторожного автодорожного преступления для нас важно изучение понятия и основных характеристик механизма преступного поведения. Ведь, именно он наглядно отражает, как зарождается преступное поведение, как оно реализуется в определенных условиях и, наконец, прекращается, вновь переходя в непроступное. Немаловажно в механизме исследовать и поведение субъекта после совершения неосторожного преступления, так как именно в этот момент оно будет характеризоваться наибольшей напряженностью, эмоциональностью и переживаниями. Стоит согласиться с Ю.М. Антоняном и Г.Ш. Глonti, которые считают, что «преступное поведение – это процесс, развертывающийся в пространстве и времени и включающий конкретные действия субъекта, образующие объективную сторону преступления» [1, с. 12].

Внешние условия в механизме преступного поведения представляют собой обстоятельства ситуации, в том числе поведение других лиц, а также условия жизнедеятельности индивида, которые являются значимыми в его детерминации. Воспринимая внешние условия, субъект

индивидуально своеобразно понимает и оценивает их значение [2, с. 27-38].

Однако это суждение не означает, что решающую роль в совершении неосторожного деяния несут за собой внешние обстоятельства (например, плохая погода, неудовлетворительное состояние дорог). Ни одно из этих условий не может являться причиной дорожно-транспортного происшествия, так как только личность в силу психологических характеристик способна оценивать ситуацию и принимать решение. Может считаться причиной использование личностью заведомо технически неисправного автомобиля, или выпуск в эксплуатацию данных транспортных средств работниками производства, но не сама непригодность средства передвижения. Внешние детерминанты, образующие объективную действительность, могут лишь способствовать совершению деяния и влиять тем или иным образом на поведение личности преступника.

Сторонником такой точки зрения является Ю.М. Антонян, который при изучении проблем неосторожной преступности справедливо указал: «В основе неосторожного преступления всегда лежит ошибка человека, его неподготовленность, безответственность, самонадеянность,